

**Проведите меня к нему! Покажите мне этого баловня судьбы, этого любимчика фортуны! Он тебе и самый популярный советский актер 1989 года (если верить зрительскому опросу журнала «Советский экран», хотя почему бы ему не верить?); он тебе и неотразимый современный Казанова в фильме «Мордашка», который уже обозвали «первым отечественным эротическим», и вообще как он на экране оптимистичен, чистосердечен, романтичен! Вот так оглянешься порой тоскливо по сторонам: боже, помоги, ну хоть чего-нибудь бы светлого, хоть лучик какой-нибудь в этом темном бышем царстве... И приходит на ум спасительное — да вот же, Дмитрий Харатьян! Теж не лучик? «Не вешать нос!» — и так далее. Пусть жить научит, проведите меня к нему! Хочу видеть этого человека...**

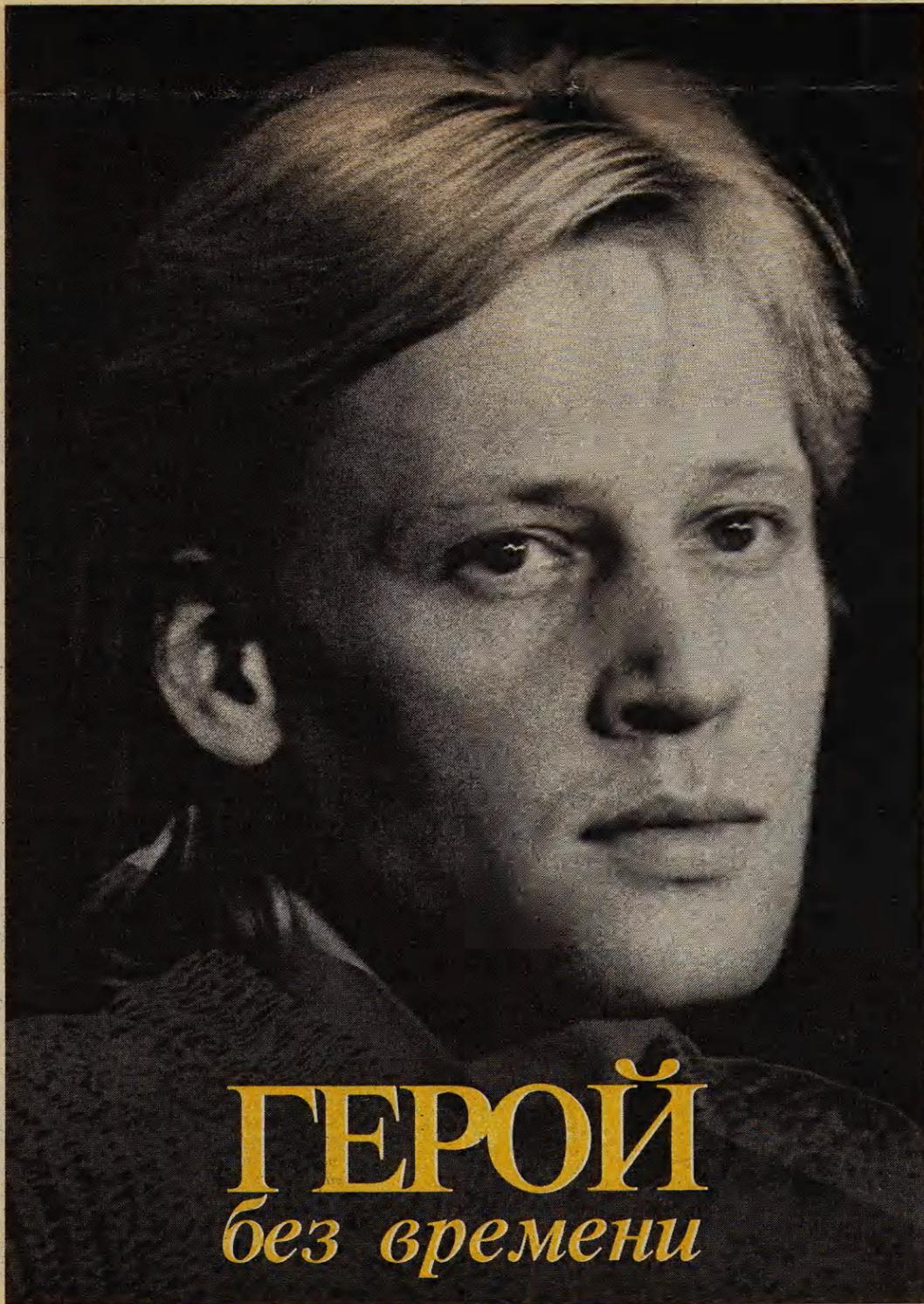
И меня провели к нему. Точнее, я сам приехал. В тамбуре битком набитой пригородной электрички, по-пехотински аскетичной: без стекол, без дверей, возможно, без колес. Суперстар советской кинематографии оказался с подмосковной пропиской, с местом прикола на улице Вокзальной, аккуратно два шага от платформы. «Мешают ночью паровозы?» — спросил я с порога, поскольку сам всю жизнь вблизи железнодорожных полотнов обитал, знаю что к чему. «Привык», — кратко ответил Дмитрий Харатьян, и я понял, что разговор у нас получится. Разговор за жизнь, конечно, но не за всю сразу, а за нашу конкретную, потому что мы с Дмитрием почти ровесники, то есть отмотали юность застойную на полную катушку. Но я перебрал роли Харатьяна (а их уже почти двадцать пять) и не обнаружил в этом послужном списке ни одного героя нашего с ним времени. Ни одного, грубо говоря, нашего современника. Никакой, понимаете ли, автобиографичности. Это почему же так? — А что играть? Нормальная подмосковная школа. Осенью после уроков — в колхоз собирать урожай. Обязательная повинность, попробуй откажись — потом разборки не оберешься... Меня девочка одна знакомая сосватала на «Мосфильм». Там нужен был поющий девятиклассник с гитарой: Владимир Меньшов снимал «Розыгрыш», вот меня и вспомнил, позвонил... Я говорю: ты что, какой «Мосфильм», у меня же колхоз... Тебе чай, кофе или коньяк? — Да, собственно... — Понятно (доставая бутылку коньяка и одну рюмку — для меня). — Э-э, не понял... А ты? — В завязке. Два года. Вот это поворотик!.. Ничего себе романтический герой в завязке... Хотя эти мои удивления так, для проформы. Мне всегда что-то мешало отождествить Харатьяна с его удачливыми героями, все зазор какой-то мерцал... То во взгляде затравленность, то в пластике надлом. Эффект Дориана Грея. Но, видать, не я один такой внимательный, раз он таки стал звездой. Народ не проведешь. Народ разве станет безоблачного счастливича любить? Не станет! А вот если драма затаенная, а то и трагедия, да еще на фоне политической неблагонадежности... О, тогда другой колленкор!

Чем таким в школьной жизни Димы разживешься? Разве что компания дурная... — В седьмом классе я оказался среди отпетых хулиганов. Они делали какие-то свои темные дела, что-то воровали, по-моему, даже машину угнали. А я — из такой благополучной семьи... Попал я в эту компанию из-за пристрастия к гитаре, к музыке вообще. С хулиганами мы в школьном ВИА играли. — Они к тебе как к своему относились? — Потребительски относились. Мать уходила на работу на весь день, квартира свободная... Они приходили, подметали оставленный мне обед, балдели... Я мечтал стать рок-певцом. Популярным. Любопытные однако же совпадения. Ведь примерно об эту же пору, но несколько более норд-вест, в том же Подмосковье, я склонялся с паяльником над «фузом» своей электрогитары, а остальная братия нашей школьной команды «Бэздей» упаковывала «усилки» и колонки в так называемый «трейлер»: зафрахтовали у вырезителя шикарный «воронок»!.. Не верьте тому, кто скажет: плохие были времена, мрачные, застойные, а сейчас, дескать, наступили хорошие, светлые. Ничего он не смыслит. Наверняка за всю свою жизнь ни одного штекера не припаял, ни одной песни Макаревича не запомнил. Мелочи, полагаете?! Какие ж мелочи, когда это и есть запах, цвет, тепло, а все остальное — схема. Говорю вам — благословенные времена, и всякие времена благословенны, и кыш отсюда со своими логарифмическими линейками и таблицами Брадиса. Нешто ж можно понять походку человека, измерив ступни ног его трупа? Но есть, есть еще любители ловить на слове. Раз такие времена распрекрасные, где же ваши герои? Где ваши Павлики и Павки? Где эталонные и правофланговые? Что ж этот самый Харатьян все норовит улизнуть из современности? Так отвечу: какие еще герои, когда просто сидишь с приятелями на кухне, прихлебываешь в меру разбавленное пиво, а за окном восходит парус теплой майской ночи, и одновременно страшно и счастливо — потому что молод... Эта ночь самодостаточна, она не нуждается в плоском зеркале искусства. Какие еще герои могут быть в настоящем времени? В настоящем времени надо жить

и умирать, а героизировать и все остальное надо в истории. Вот почему — а не из-за боязни какой-то — не мог Дима Харатьян миновать гражданской войны («Зеленый фургон») или службы государыне императрице («Гардемарины, вперед!»). — Слушай, я даже представить не мог, что эти «Гардемарины» будут иметь такой успех. Мы просто играли себя, общедоступные мысли и идеи, только в более ярком, более романтическом, что ли, виде. Вместе с Сергеем Жигуновым мы уже полстраны с концертами объездили, работаем на сцене в костюмах гардемаринов. Я убедился, с каким колоссальным доверием относятся к каждому нашему слову подростки, как серьезные они в общении с нами! — А вы в перекурах посмеиваетесь над их провинциальной доверчивостью... — Я понимаю — трудно поверить в нашу искренность, когда мы начинаем рассуждать о чести или долге. Наше поколение насковоз пропитано цинизмом. Но это избирательный цинизм: по отношению к бреду, блефу, политике — да. Но... разве не резали наши ровесники вены из-за неудачной первой любви? Разве не было для нас трагедией предательство друга или ветренность подружки? Это ж все нешуточно... Мы просто пытались — инстинктивно — спрятаться от идтиотизма внешней жизни, укрыться в своем герметичном мире. «Мой корабль — творение тонких рук» — об этом и пел Макаревич. А те, кому сегодня 14—15 лет, — они тоже хотят счастья, им же помочь надо! Мне моя популярность на фиг не нужна, надоело, что меня каждый день суют в телевизионный ящик. Утомили разговоры, что вот, мол, Харатьян в звездах ходит, а в списке «110 самых популярных», в опросе «Советского экрана» нет Смоктуновского, Табакова, Ульянова... Ну я-то в чем виноват? Сделайте еще сто списков и двести опросов, чтобы на всех хватило, на все ампулы. Но не забывайте, что у нас огромный вакуум на романтику, что нет истинных героев, вакантны места «трех мушкетеров», «трех товарищей»... А в самом деле. Кто-нибудь задумывался, почему все эти нехитрые, допотопные «тройки» так живучи и притягательны? Они и пошлые, и ходульные, а вот все равно ведь нравятся! И с каким восторгом встречаем мы их линияло «шапито» и каждый раз ждем чуда, хотя наперед известно: весь их нехитрый скарб — это вечные десять заповедей, это все те же добро и зло, бесконечная их тяжба. А если разобратся: ведь какие-нибудь «Три мушкетера» — это самая подрывная, самая антитоталитарная литература! Потому что герои ее обходятся без классового подхода, утверждают абстрактный гуманизм (хотя какой же он еще может быть?). Ну а теперь я немножко собою пафос. Пока мы с Дмитрием ведем такие вот высокоинтеллектуальные разговоры, раз двадцать врывається телефон. Видимо, с того конца идут деловые предложения. Мой собеседник терпеливо объясняет, что он чертовски, так сказать, занят: снимается в продолжении «Гардемаринов» («Гардемарины, виват!»), зиму не успели снять, значит, только в начале будущего года закончат; готовится сниматься в продолжении «Частного детектива», где его герой Дима Пузырев отправляется в США разоблачать там русскую мафию; а еще заканчивает запись песен на магнитный альбом «Склонность к дождю» вместе с Сергеем Жигуновым; а еще встречи, вечера, поездки... Не люблю, когда актеры жалуются на свою загруженность. Жалуются, а по глазам видно, что нравятся. — От этой суеты не каждый может отказаться. Я делаю деньги, на мне делают деньги... А недавно посмотрел в Театре Моссовета «Калигулу» Камю с Олегом Меньшиковым в главной роли... Великий спектакль, великий актер. Мы с ним в одно время в Щенке учились, а дальше все сложилось по-разному. Он очень избирателен в выборе ролей — не хочет «раскрутки» любой ценой, умеет отказываться. — А ты? — Мне пока вроде бы везет... Но я скорее плыву по течению, надеюсь на удачу. Кого волнует, что я хочу сыграть, скажем, Гамлета! Актер — это, наверное, самая зависимая профессия. Хотя сейчас выбор у нас стал побогаче. Коммерческие, независимые, государственные студии... А в государственных студиях тоже разные направления: коммерческое, серьезное кино. — Что-то на конечной продукции это пока не отражается... — Сейчас все кинулись зарабатывать «бабки», думая о том, что в будущем начнут снимать «на вечность», и все получается как-то нарочито, глупо... — Даже попугивают, что, дескать, скоро вся духовность на корню вымрет от этой коммерции. — Ничего, авось не вымрет. Вы так доноситесь духовность, чтобы после фильма зритель как контуженный ходил. А мямлить что-нибудь духовное не надо — только вред будет. Поэтому, наверное, у меня нет автобиографических ролей... Не хочу пускаться на попойку в свою жизнь всех этих новоявленных миссионеров, которые, кроме Брежнева

и Сталина, никого разглядеть не могут. Да какой Брежнев, когда это было девять лет ада семейной жизни! Я тогда, несмотря на свой ранний возраст, слышном много на себя взял. Женщины... Ребенок родился — дочка... И все было неблагополучно... Мы с женой не понимали друг друга, но я не мог все это прервать, у меня был комплекс вины: пил. Хотя неизвестно, где причина, где следствие... Два года назад, в день развода, я завязал. Сегодня смотрю свои работы тех лет и поражаюсь — откуда у меня доставало на все времена? Говорят, что, когда художник несчастлив в личной жизни, он создает свои самые сильные образы. Может, эту мою раздвоенность зрители и заметили... — Заметили. А ты хотел бы вернуть то трагическое мироощущение? — Но только не тем способом! Достаточно другого трагизма. Теперь на меня навалилась внешняя жизнь, какое-то жуткое атмосферное давление. Агрессивность, холодные, стальные глаза новых времен... Знаю-знаю, не надо мне разъяснять эту зыбкость бытия, эту непочтительную связь души с остальным миром, этот чудовищный деспотизм внешней жизни. Что ж, мы не сумели сохранить герметичность наших юношеских владений. Наши трюмы дали течь. Мы впустили политику и идеологию в быт, в любовь, в семью. Даже в отношения, где только Он и Она, даже в святая святых проникли законы рабства и подчинения. Жестокость впиталась в капилляры повседневной жизни, и последнее убежище было расскрепчено. А знаете ли? Всею виной наш изощренный материалистический ум. Расчет и логика там, где только зыбкое кольчухание струй. Пытаемся увидеть воздух, когда им нужно дышать. Молекула делится на атомы, атомы еще на что-то делаются... А вот всякие старомодные материи — добро, зло, любовь — они, пардон, не разлагаются на составляющие. Ибо они состоят только из самих себя. Целые блоки мироздания. Едины и неделимы. Мы сотворили себе нового кумира, новое божество — Правду и только Правду. Но что такое правда? Бледная, мертвая копия буйной живой жизни, в которой, кроме правды, есть тысячи всяких хитроумных приспособлений для того, чтобы обмануть нас, чтобы запутать следы, чтобы снова взорвать в нас вкус к существованию и поиску истины. Так что грош цена новым разоблачительным книжкам и фильмам, претендующим на некое постижение реальности. Искусство мнется в предбаннике, тупит взор и двух слов связать не может перед этой обыкновенной, бессюжетной, серой жизнью. И я просто невероятно доволен, что об этих самых пресловутых «поздних» семидесятых (равно как и о минувших восьмидесятых) нет почти ни одного приличного произведения. Лажа в основном. Это значит: потихоньку вырабатывается иммунитет к жизни. Отойдите со своим искусством, дайте ей немножко зарастить, подернуться тиной, покрыться сорняками. Это только кажется, что жизнь нужно пропальывать и очищать, наоборот, тут каждый сорняк свой смысл имеет. Так вот: когда мы наконец закончим свой затянувшийся коммунистический субботник по уборке вверенной нам богом территории, когда очнемся от гипноза бессмысленных идей, теорий, догм, лозунгов, когда отвлечемся от апокалипсических заклинаний, окажется, что все в порядке. Мы никуда не уходили, все под рукой — страна, язык, норы. Появятся и книги, и фильмы. А сегодня душу наизнанку выворачивать как-то неохота. Боком выходит откровенность. — Как-то странно смонтировали кусок в «Киносерпантине», где я рассказывал про свою бракоразводную эпопею... Получилось, будто я отец-одиночка. И сразу повалили письма: «А что с матерью? А вдруг она умерла? Может, помощь какая нужна?» (Хотя с бывшей женой все в порядке.) Меня стали жалеть. А мне стыдно. Собратья артисты говорят: ты что? В Америке артисты годами создают себе имидж! А тебе удача сама в руки плывет! Но я хочу быть в отношениях с людьми честным. И не собираюсь представлять себя лучше, чем я есть на самом деле. Хотя всей правды обо мне знать необязательно... Пусть мои несерьезные роли пока остаются при мне, растут и силой наливаются. ... Да, странный какой-то любимец публики. Вроде искренне рассуждает о романтических идеалах, а сам снимается в коммерческой «Мордашке», не прочь повыгоднее себя продать. Так мило и застенчиво открывничает, а все самое сокровенное прячет где-то в глубине души. Романтик, прагматик, Рыцарь печального образа? Черт его разберет... Герой без нашего времени.

Игорь Мартынов.



# ГЕРОЙ без времени